

ствий. Часто холопам поручались в заведывание отдельные отрасли хозяйства: это были ключники и тиуны сельские, ратайные, огнищные, конюшие и проч. Они являлись самыми приближенными людьми своих господ, в том числе и князя, и им поручались обязанности в области суда и финансов". Более того, в древней Руси, по словам Н. К. Гудзия, смерд и холоп могли якобы проникнуть даже в боярскую среду. „Такие перспективы, — замечает Н. К. Гудзий, — открывавшиеся для холопа, и давали, видимо, Даниилу импульс для тех притязаний, с которыми он адресовался к Ярославу Всеволодовичу“.¹ Но если смотреть на памятник с такой точки зрения, то он как раз лишается своих холопских черт, ибо изобразить холопа, выполняющего обязанности в области суда и финансов, холопа, пробирающегося в боярскую среду, выразителем интересов рядовой массы холопов, — это все равно, например, что изобразить выразителем настроений крепостного крестьянства фабриканта Морозова, не успевшего еще выкупиться на волю у графа Шереметева.

Как бы полемизируя с Н. К. Гудзием, новейший исследователь, касавшийся вопроса о Данииле Заточнике, — Б. А. Романов утверждает, что „сказать про Заточника... что он холоп — это значит не уловить основной характеристики ни в нем самом, ни в исторической обстановке“. Сам Б. А. Романов рассматривает Даниила Заточника как представителя господствующего класса, но принадлежащего к его социально неустойчивой, подвергнутой всяким случайностям, прослойке. Он является „кандидатом в любое общественное положение, куда приводит его игра случая“: „Заточник — сын жестокой эпохи, полной не только войн, но и гражданских тревог классовой борьбы, одновременно субъект и жертва процесса классовобразования в феодальном обществе“. Б. А. Романов даже специальный термин придумал („заточничество“) для социального состояния „человека, оторвавшегося от своего общественного стандарта и перебирающего в мыслях возможный выход из создавшегося для него трудного положения“. Это состояние прекратится, как только Заточник пристанет к какому-нибудь берегу, а его положение вполне определится и потеряет свою неопределенность и расплывчатость. „В тот момент, когда какой-нибудь заточник добросовестно примет от жизни свою этикетку и застынет в соответствующей ей позе, он перестанет быть заточником“.²

Пытаясь определить социальное положение автора Слова Даниила Заточника, ни дореволюционные, ни советские исследователи не задались в то же время вопросом, интересы и общественные настроения какого класса или классовой группы отражал и защищал в своем послании Даниил Заточник. Ф. И. Буслаев, например, считая, автора Слова дворянином, рассматривал его произведение не с точки зрения

¹ Н. К. Гудзий, ук. статья, стр. 483—484.

² Б. А. Романов. Люди и нравы древней Руси, Л., 1947, стр. 11, 17, 284.